

ванія которой ему трудно отказаться, хотя это изслѣдованіе и ведетъ къ заблужденіямъ. Такимъ образомъ, спиритуализмъ въ наше время болѣе чѣмъ когда-либо можетъ заимствовать оружіе изъ лагеря противниковъ. Безмѣрность и неисповѣдимость конкретного равняются отвлеченности. Потому субъективное мышленіе и объективное изслѣдованіе одинаково могутъ вести къ идеализму, какъ они ведутъ къ интуитивному ясновидѣнію. Замѣну тому, что давалъ догматъ, человекъ находитъ теперь въ себѣ, въ силѣ и утонченности внутренней жизни. Сознаніе тайны и возможность сочетать это сознаніе съ изслѣдованіями науки болѣе смутны въ тѣхъ, которые останавливаются на полупути, и растутъ по мѣрѣ того, какъ силою мышленія человекъ приближается къ той окраинѣ, гдѣ она ждетъ его. Мудрые предъ великою тайной равняются младенчествующимъ.

Отъ чего бы ни пришлось ждать мыслящему обновленія: отъ союза ли науки съ философіей, или отъ строгаго разграниченія двухъ областей; или исканіе истины только останется тѣмъ стимуломъ, который, по мнѣнію Лессинга, для человѣческаго совершенствованія цѣннѣе обладанія истиной; что бы ни принесла будущность, лишь бы человекъ не терялъ точки опоры въ этикѣ, въ области которой совпадаютъ результаты отвлеченнаго мышленія и положительнаго знанія, и которая всегда останется положительной величиной,—и духовныя потребности его будутъ находить полное удовлетвореніе въ признаніи высшаго начала и въ поклоненіи ему; и поклоненіе это будетъ источникомъ самыхъ чистыхъ, самыхъ высокихъ вдохновеній; о немъ свидѣлствуетъ обаятельное на насъ дѣйствіе всего прекраснаго духовной красотой въ жизни и въ искусствѣ. Въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ человѣческой души горитъ то живительное пламя, которое то вспыхиваетъ, озаряя міръ видимый, проливая свѣтъ и на таинственное „тамъ“, то потухаетъ, оставляя въ душѣ мракъ и безнадежность. Пока не измѣнитъ человекъ своимъ вѣчнымъ идеаламъ, которые временно затемняются, но, питаемые чистымъ стремленіемъ къ добру, сіяютъ въ вѣчно-юной красѣ, — и священное пламя въ душѣ его погаснуть не можетъ.

Какъ надъ измученнымъ мыслію Фаустомъ, въ 1-ой части драмы, хоръ невидимыхъ духовъ поетъ:

„Горе, горе, ты разрушилъ мощной дланью міръ прекрасный!
Развалины въ бездну забвенія унесли мы съ душевной тоской, плача
надъ разрушеніемъ“...

И эта пѣснь находитъ отголосокъ въ душѣ каждого мыслящаго, страждущаго, борющагося человека: такъ и въ глубинѣ